

УДК 316.422.4

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-6

Крокинская О. К. | «Оцифрована-околдована». Университет в эпоху цифры и ее культурного осмысления

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; krokinskaya@mail.ru

Аннотация. Современная эпоха ознаменована радикальной трансформацией производительных сил общества. Ее основным трендом становится цифровизация многих областей человеческой деятельности. Технологический детерминизм цифровой среды приходит в диссонанс с глубинными процессами культуры и образования. Для миссии университета они нередко играют программирующую роль, порождая при этом существенные проблемы. В том числе, проблемы для таких «единиц культуры», как интеллект и мышление, диалог и взаимодействие, аудитория и дискуссия, автономия, независимость и самостоятельность внутренних норм функционирования, академическая харизма, харизма учителя, элитарность и эгалитарность одновременно, не «подготовка», а «образование» (производство «образованного человека»), трансляция культуры, просвещение, осознание гуманистических ценностей, любовь к своей профессии, понимание ее миссии. В статье анализируются некоторые противоречия, возникающие между «культурными кодами» образования и технологическими инструментами цифровой образовательной среды. Выдвигается гипотеза о доминирующей роли программы как «эгоистичного гена» (Р. Докинз) в наследственной матрице современной культуры. Обосновывается необходимость осознанного строительства отношений между культурой и цифрой.

Ключевые слова: культура; культурные коды; университет; цифровая образовательная среда; социология культуры; социология образования; социология профессий

Для цитирования: Крокинская О.К. «Оцифрована-околдована». Университет в эпоху цифры и ее культурного осмысления // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 65-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-6

О. К. Krokinskaya | 'Digital enchantment'. University in the age of digitalization and its cultural interpretation

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moyka Emb., Saint Petersburg, 191186, Russia;
krokinskaya@mail.ru

Abstract. The modern era is marked by a radical transformation of the productive forces of society. Its main trend is the digitalization of many areas of human activity. The technological determinism of the digital environment comes into dissonance with the underlying processes of culture and education. For the university's mission

they occasionally play a programming role, while creating significant problems, including, problems for such "cultural units" as intelligence and thinking, dialogue and interaction, audience and discussion, autonomy, independence and independence of internal norms of functioning, academic charisma, charisma of the teacher, elitism and egalitarianism at the same time, not "preparation", and "education" (the production of an "educated person"), broadcasting culture, enlightenment, awareness of humanistic values, love of one's profession, understanding of its mission. The article analyzes some of the contradictions between the "cultural codes" of education and the technological tools of the digital environment. A hypothesis is put forward about the dominant role of the program as a "selfish gene" (R. Dawkins) in the hereditary matrix of modern culture. The necessity of the conscious building of relations between culture and digitalization is substantiated.

Key words: culture; cultural codes; university; digital educational environment; sociology of culture; sociology of education; sociology of professions

For citation: Krokinskaya O. K. (2021), "‘Digital enchantment’. University in the age of digitalization and its cultural interpretation", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 65-87, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-6

Постановка проблемы, цели и задачи статьи. В этой статье мы предпринимаем попытку охватить три проблемные области образования: 1) активно наступающую *цифровизацию*, 2) уже наступившее господство *менеджеризма* – формально-бюрократической, административно-распорядительной парадигмы в управлении образованием и 3) *культурную традицию* как эволюционный базис общества вообще и образования в частности. Сегодня культурная традиция подвергается мощным воздействиям со стороны первых двух факторов и рискует быть непредсказуемо трансформированной в ущерб своему предназначению для человека и общества.

Все три проблемные области можно понимать как комплексы сил или ресурсов общества, а также как «поля» в духе П. Бурдьё, то есть ментальные модели среды и реальные среды, в которых осуществляются определенные социальные практики – институциональные и персональные (Бурдьё, 2005). Для целей статьи будет удобно мыслить их как силовые поля, состоящие из институтов и практик.

Некоторое время все три комплекса сил и ресурсов общества сосуществовали и

развивались более или менее слаженно. Их влияние друг на друга не превышало системных свойств взаимодействия, создавая те или иные жизнеспособные формы. Но в наши дни едва ли не все процессы общества ускорились и интенсифицировались до такой степени, что предвещают нечто вроде взрывного синтеза этих трех сил, результат которого вызывает опасения. А значит, нам, людям, обществу, надо вовремя эту реакцию «охладить», опустить графитовые стержни критики в этот ядерный котел и построить между реагентами ясную, уравновешенную конструкцию, управляемую здравым смыслом. Прежде всего надо понять, что происходит при соприкосновении силовых полей менеджеризма, цифровизации и культуры, по возможности «простить» молодые агрессивные источники текущих мутаций, ибо они неслучайны, и задать всей системе взаимодействия работу по иным критериям, побудить и мотивировать ее к активности на иных основаниях. На человеческих основаниях, на принципе «не навреди».

Фактически надо создать модель ситуации, в которой менеджеризм, цифровизация и культура каким-то образом связаны, помыслить их как целое, а для этого –

увидеть в их устройстве какие-то общие «несущие конструкции», некие общие свойства. Такие свойства есть. Все три поля существуют *на базе идей и практик программного типа* – инструментов с заданной последовательностью операций, приводящих к ожидаемому результату. Менеджеризм оперирует планами, программами, стандартами; цифровизация – алгоритмами компьютерных программ, культура – системами норм, правилами поведения, шаблонами мышления, которые тоже, в сущности, те или иные программы. Понимая и принимая это, мы должны увидеть нарождающуюся «эпоху цифры» как то, что неизбежно содержит в себе активное проникновение программирования в человеческую сущность культуры, и, в связи с этим, заглянуть в противоречивую область культурных программ как фундамента культуры, ее «материнской платы», и одновременно ее «ресурсного проклятия».

Вот почему целью настоящей статьи является попытка увязать в единой концепции феноменальные факты менеджеризма, цифровизации и культуры «в теле» современного университета. Эта цель будет последовательно реализована в следующей логике задач:

– сначала будут показаны и обоснованы в качестве «программного продукта» определенные элементы культуры – так называемые «культурные коды»;

– мы проследим роль «культурных кодов» как инструмента, с одной стороны, принуждения к однозначному считыванию традиционных смыслов, а с другой – как инструмента их изменения;

– затем с помощью некоторых констант мы зафиксируем сущность университета как культурной институции;

– после этого обозначим закономерный и программный характер эволюции менеджеризма, ведущий к наступлению парадоксальной фазы в его развитии, когда вместо «производства порядка» он начинает производить хаос;

– вслед за этим мы обратимся к опи-

санию цифровизации образовательной деятельности в университете с ее неоднозначным влиянием на работу преподавателей;

– мы также обратим внимание на то, каким образом соединение менеджеризма и цифровизации создает риски для культуры университета;

– и в заключение сформулируем несколько суждений относительно социальных практик осознанного, рефлексивного применения цифровых технологий в контексте сбережения университетской культуры как завоевания человеческой цивилизации.

Развитие университета в XXI веке и цифровая образовательная среда как среда развития. За время своего существования на протяжении многих тысяч лет сформировавшаяся внутри культуры сфера обучения и образования пережила несколько информационных революций. Первую из них датируют примерно VI веком до нашей эры, когда на глиняных и каменных табличках люди стали фиксировать некие знаки, позже превратившиеся в письменность и составившие первую «внешнюю память» развивающейся цивилизации – *накопитель сведений*, необходимых для хозяйственных нужд, для записи важных событий, закрепления ритуалов и т. д., *накопитель*, позволивший далее собирать и сберегать для дальнейшего применения оказавшийся полезным опыт. Папирус и бумага расширили это завоевание. Второй информационной революцией можно считать переход от передачи знаний в формах опыта – к текстовой деятельности в обучении и к аудиторной форме распространения знаний от одного говорящего – многим слушающим. Третья информационная революция – революция Гутенберга и печатного станка – сделала знание доступным для всех грамотных людей, а массовую школу – основой культуры. Наконец, мы присутствуем при очередной информационной революции в культуре и в образовании, когда системы образования, успешные в предыдущую

эпоху, в нашем постиндустриальном мире вынуждены открывать свои сакральные, монопольные «накопители» всем без исключения желающим, сокращая экспертное присутствие учителя и педагога в образовательной среде.

Этот очерк хорошо известных культурных трендов понадобился здесь для того, чтобы обозначить закономерную логику процесса, идущую от создания первых форм «внешней памяти» культуры (внешней по отношению к человеку, отчужденной от него и существующей автономно) к их современным сетевым формам и к созданию с их помощью искусственного интеллекта такого уровня, который способен стать уже не только «внешней памятью», но «внешним мозгом» для человеческой деятельности – тоже отчужденным от человека и лишь взаимодействующим с ним. Насколько паритетно – вопрос уже не фантастики, а современной науки и практики. Именно в этом тренде идут информатизация и цифровизация образовательного пространства. Они становятся абсолютной нормой, учебные заведения формируют у себя собственные цифровые среды, призванные обеспечивать образовательный процесс (Трудности и перспективы..., 2019; Шваб, 2019). Эффективность работы в цифровых средах чрезвычайно высока, однако, наученные горьким опытом мирного и немирного атома, мы знаем, что у любой сильной структурной инновации есть – и еще будут – как позитивные, так и негативные следствия. И мы понимаем нашу эпоху как общество рисков – взаимно сопряженное производство благ и бедствий (Бек, 2000).

Какие же риски несет нам цифровизация образования? Как скажется она на реализации им своей базовой социальной функции – трансляции культуры, а в определенном смысле, и производства культуры для общества? Особенно в том образовании, которое мы привыкли называть «высшим» и которое сосредоточено в университете – этом храме науки и интеллекта? А если не храме, то хотя бы мастерской

по производству элит общества – носителей и создателей его культурного капитала? Задачей данной статьи является поиск ответов на эти вопросы с учетом миссии современного университета и представлений профессионального сообщества о его текущих трансформациях.

Кризис университета в обществе социальной модернити. То обстоятельство, что мы задаем себе эти вопросы и заставляем себя вспомнить о полузабытом культурном предназначении университета, говорит о его кризисе в современном мире, куда он был загнан самой эпохой индустриального и социального модерна (social modernity) (Барбер, Донелли и др., 2020; Вахштайн, 2012; Куренной, 2011). Индустриализм XIX века обнаружил неспособность университета дать капиталистическому укладу и рынку, с их глубоким разделением труда и конкуренцией, необходимой массы работников с прикладными практическими компетенциями. И дело не только в том, что этой эпохе больше понадобился узкий специалист, чем образованный и культурный человек, а в том, что в прагматичном, утилитарном мире университет утратил статус институции, предназначенной для производства востребованной временем картины мира, языков ее описания и способов мышления, открытых изменениям.

В мире постмодерна кризис университета продолжается, выводя в область обсуждения другие его причины и реалии – экономического, организационного, управленческого, технологического характера. При этом слово «культура» звучит в этом обсуждении нечасто. Вот почему тема семинара «*Культурные коды в современной полифонической образовательной среде*», состоявшегося на кафедре социологии РГПУ в апреле 2021 года, прозвучала свежо и актуально, предложив для обсуждения редко звучащие категории. Прежде чем мы продолжим анализ кризиса университета в обществе постмодернити, значение одного из них, как наименее привычного, необходимо раскрыть.

Культурные коды и эволюция культуры. Применение термина «культурные коды» для понимания современного университета требует большого внимания. От неосторожного обращения с ним можно ожидать ограниченного и упрощенного отображения реальной сложности явлений.

«Культурный код» (или «культурные коды») – это искусственная терминологическая конструкция (концепт), призванная обозначить свойство разных культур иметь уникальные особенности, которыми они отличаются от всех остальных. Концепт «культурные коды» может относиться к любым культурам – национальным, групповым, доминирующим и субдоминантным, а также, видимо, и к глобализированной культуре человечества – коль скоро потребует подчеркнуть, что есть нечто, присущее им и только им.

Сами термины «код» и «кодирование» используются разными областями знания, в том числе, в технике и технологии, где они так или иначе касаются операций по установлению *взаимно однозначного соответствия символов*, принадлежащих разным знаковым системам, то есть позволяют осуществить перевод информации в другую форму. Так, код Морзе – это система «договоренностей», в которой буквам алфавита какого-то естественного языка соответствуют определенные сочетания точек и тире; цифровой код, набираемый на замке сейфа или домофона, открывает дверцы и двери. То же самое можно сказать о пароле для любого пропускного пункта, смартфона, компьютера и т. д.

Теоретическую нагрузку концепт «кодов» приобретает в культурологии и семиотике. Там он также представляет собой набор соглашений, используемых для идентификации *предмета* или его виртуального двойника – *знака*. Делает он это с помощью *значения*, которое конструируется в процесс взаимодействия с ними, причем конструируется по определенным правилам. Эти правила толкуются семиотиче-

скими школами по-разному. Одни понимают их как устойчивую глубинную структуру онтологического типа, напоминающую «коллективные репрезентации» Э. Дюркгейма, то есть понимают *как род социальных фактов*, обладающих по отношению к человеку принудительной силой, другие видят коды *как процедуру интерпретации*, позволяющую придавать реальности разные значения в зависимости от применяемых правил. Иными словами, сам по себе культурный текст может прочитываться по-разному в зависимости от того, какой код используется. Значение символа «красный флаг», декодированное одной программой, читается как флаг государства, а декодированное другой программой, – как флаг на Северном полюсе, неважно, какого государства, главное, чтобы он был хорошо виден на белом фоне снега и льда.

В этом смысле коды представляют собой интерпретационную сетку или шифровальную матрицу, используемую для опознания «сообщений», исходящих от предмета или его знакового дублера. В первом случае культурные коды связаны с памятью культуры (Лотман, 2001: 335-339), а вместе с этим – с комплексами стереотипов сознания, а также с коллективным бессознательным и так называемым «менталитетом». Во втором они мыслятся как динамический процесс конструирования значений в «неограниченном семиозисе», но все же избегающем как бесконечного количества этих значений, так и жесткой однозначной «уникальности» (Эко, 1998). В обоих случаях культурный код – это ключ к пониманию той или иной культуры, но ключ, сильно зависящий от концепции, принятой по отношению к нему познающим субъектом. Такая концепция, в свою очередь, будет зависеть от отношения субъекта познания к изменчивости окружающего мира, принятия или непринятия им неопределенности новых, переходных или изменяющихся, ситуаций, когда в ходе культурной и социальной эволюции перемежаются длительно ста-

бильные эпохи общества и их периодическая смена эпохами, построенными на других основаниях. В стабильные периоды общества – будь то архаика, традиционное или индустриальное общество – культура во всех смыслах кодифицируется, а коды онтологизируются. Но в периоды перемен, переходов, бифуркаций культурная онтология, не признавая принципа «наследственность плюс изменчивость» или «сохранение в изменении», фактически затрудняет разворачивание эволюционного потенциала социума.

Архаика, современность и суперсовременность в контексте культурных кодов. Перед изменяющимися обществами дилемма двойственной природы культурных кодов ставит новые задачи, так как рождает особые трудности, лежащие, как правило, в области социальных коммуникаций. Императивная потребность в достижении сколько-нибудь общего понимания картины мира ради возможности взаимодействия требует от участников коммуникации вырабатывать коды, более или менее близкие по значению, хотя бы временно. Но одно дело «вырабатывать общее», а другое – принуждать к однозначности, навязывать ее. Такие попытки тоже совершаются, причем часто они принадлежат идеологическим и глубоко консервативным тенденциям понимания культуры. В этом случае риторика «культурных кодов» приобретает социальную функцию легитимации убеждений в неизменяемости окружающего мира. То есть понимается не как ключ к дешифровке явлений, а как само явление, как культурный факт, как сама культура.

Вот почему нелишне напомнить, что коды – это в любом случае *отношение между «означаемым» и «означающим»*, а «отношение» не может иметь онтологического статуса, так как обладает реальностью лишь в процедурах кодирования и декодирования. Если же мы считаем «код» реальной сущностью, приписанной предмету или факту, и предлагаем одну и только одну дешифрующую программу, то мы

попадаем в ситуацию принуждения – к одному и только одному смыслу, одному и только одному значению, а в конечном счете – к одному и только одному типу поведения, которое диктуется (программируется) этим значением. И если универсум коммуникации заменяется унитарностью коммуникации, то есть торжествует монополия на понимание явлений сложного мира, то идеология и культура возводятся в ранг традиции как охраняемой сакральной нормы. Отрицать традицию нелепо, она – одно из средств, пролонгирующих социальную жизнь, ведущих ее по протоптанной дорожке, но бывают обстоятельства, – и сейчас они именно таковы, – что какие-то традиции только потребляют энергию общества, обращают ее на воспроизводство старых форм, этим уменьшая ресурсы протаптывания новых дорог. «Жировыми подушками культуры» называет такую традицию итальянский философ Ремо Бодей (Бодей, 2005).

Как работает сакральная норма? Она программирует однозначное считывание значений и этим ограничивает и упрощает социальные практики сложности. Эти ограничения и упрощения закрепляются, становятся привычками мышления и, в свою очередь, участвуют в формировании того, что Гирт Хофстеде называет «коллективной ментальной запрограммированностью, предопределяющей наше восприятие мира» (Хофстеде, 2014: 9), и мы понимаем, что именно предопределенное восприятие кодирует мир однозначно, чем закрывает от восприятия его многозначный характер. Однозначное кодирование уже не только зашифровывает, но и заколдовывает реальность, вытесняя ее в подвалы неосознаваемых, бессознательных импульсов, накапливая и пуская в оборот социальные и культурные стереотипы, существующие на базе нейрофизиологических и нейропсихологических констант. Как результат, они принуждают приверженный им социум к бесконечному «повторению пройденного», которое считается неизменяемым. Работает машина интерпретации,

осуществляется почти автоматическая программа интерпретации, не предполагающая вариаций толкования.

Таковы онтологически понимаемые «культурные коды» – стереотипы, шаблоны, ментальные программы, иррациональные модели, формирующие, организующие, но тем самым и ограничивающие свободу осмысления реальности. В том числе, то самое многообразие, которое мы храним сегодня под символами полифонии и поликультуры.

Контексты неизменяемости, которые несет с собой риторика традиционных «культурных кодов» («Культура – это судьба»), приучают к мысли о невозможности изменений и работают как агенты выученной беспомощности («Что воля, что неволя – все равно»). Они провоцируют невротизированные состояния социума, потому что мозгом и психикой разрывы между шаблоном и реальностью все равно улавливаются.

Часто при помощи идеологически понимаемых культурных кодов в современное сознание привносится архаика – некогда канонизированный тип эффективного поведения, доживший до наших дней в формах языка и фольклора. Освященный традицией, подкрепленный массовым применением и многократным повторением, он получает свое представительство в нейросистеме мозга. Современная наука, в частности, теория *embodied cognition*, так называемого «воплощенного познания» (Лафкофф, Джонсон, 2004), находит доказательства этим связям, и эта связка – языка и мозга – может долгое время работать как оптика предопределенного, *a priori*-рассмотрения и идентификации реальности, передаваясь в совместных ритуалах и даже в формах более поздней, в том числе современной, социализации практически в неизменяемом виде.

Иными словами, формируется некий конструкт, «впечатанный» в коллективное сознание какой-то общности и обладающий поэтому объяснительной силой. В качестве «шифровальной матрицы» он пред-

определяет восприятие реальности, идентифицируя ее через канон, и тем самым заменяет актуальную, ситуационно необходимую, мысль *ad hoc*, чем предотвращает саму возможность появления новой мысли. Так возникают те «культурные коды», которые имплантируют определенные смыслы в сознание поколений и тем самым «запечатывают» мышление, принуждая к инако**НЕ**мыслию (Мамардашвили, 1996; Крокинская, 2020).

Такие «культурные коды» часто имеют форму мема – информационного паттерна, свернутого до лаконичного «плотного» знака, разворачивание которого (прочитывание в определенной декодирующей схеме или программе) позволяет пробудить и ввести в действие целые идеологии. С помощью таких кодов происходит нейросимволический импринтинг и далее нейросимволическое программирование мышления и поведения людей. В результате под лозунгами охраны традиционных ценностей могут продолжать существовать самые тяжелые пороки нашей социальной истории: «лес рубят – щепки летят», «бьет значит любит», «моя хата с краю», «всяк сверчок знай свой шесток» и многое другое.

Программа как универсальная структура производства объектов реального мира. Развитие цивилизации, межкультурных взаимодействий, науки и образования разрушили приматы однозначности и позволили сформироваться гигантскому культурному разнообразию, необычайно гибкому, поливариантному поведению людей и вообще всему современному миру. Заколдованные традицией коды-факты превратились в коды-инструменты, и их набор сегодня чрезвычайно велик. Да, в этом движении мир столкнулся с опасной неоднозначностью и неопределенностью постмодернизма, но эта опасность уже осознается, и решение проблемы, возможно, не за горами.

Точнее, в качестве реакции на невроз неопределенности и для разрешения его трудностей уже обозначились несколько

эпистемологических и практических позиций. Одна из них – отмеченный выше возврат к однозначности традиционных смыслов, другие представляют собой поиск новой парадигмы и синтеза разнонаправленных тенденций. Но есть еще и третьи, гибридные, амбивалентные, пытающиеся технически соединить современность и архаику: суперсовременность информационной революции XXI века и архаику однозначного кодирования реальности.

Я имею в виду цифровизацию всего пространства человеческих деятельностей, которая по отношению к культуре выглядит вторжением внешних программ в святая святых сложнейшей, неоднозначной, внутрикультурной подвижности семиосферы как пространства непрерывного кодирования/декодирования смыслов, значений и символов (Лотман, 2001: 12-31).

«Цифра» работает на базе алгоритмизации и программирования тех отраслей, в которых она применяется, и, казалось бы, программирование есть ее прерогатива. Но так ли это? Нет, конечно. Природа изобрела программирование еще на заре своей эволюции. Мы знаем генетические программы, программы природных циклов, запрограммированное развитие растения из семени, плода из слияния двух клеток – материнской и отцовской и т. д. А вот дальше наступает состояние неполной определенности программой, создающее возможность ее модификации. В дело вмешиваются социальность, культура, субъектность человека и целеполагающая человеческая деятельность. Они вторгаются в логику биологической эволюции, запускают изменчивость, вытекающую не из естественных генетических мутаций, а из искусственных социальных регуляторов, что, собственно, и открывает дорогу к цивилизационным изменениям. Рано или поздно регуляторы искусственного типа, в том числе целеполагание, перемещаются с микроуровня человеческого поведения на уровни управления всеми видами социальной организации от семьи до государства,

а ныне и надгосударственных образований. Целеполагающее управление все более многочисленными и сложными видами человеческой деятельности быстро создает свои инструменты – планы, программы, проекты, и их высочайшая эффективность не нуждается в доказательствах. Они потому и эффективны, что состоят из однородных паттернов поведения, связанных между собой также однородными связями, что позволяет их алгоритмизировать, а в дальнейшем и передать как внеперсональное функционирование – машинам, механизмам, роботам и другим техническим устройствам.

В идеях и практиках институтов управления программный способ существования получил широкое применение. Там его работа по предписанию определенной последовательности операций и достижению заданного результата конструирует надперсональное функционирование людей как деталей механизма, а цифровые технологии лишь берут на себя перевод реальных действий с реальными объектами – в действия с дискретными единицами информации (переводят информацию о «работе атомов» в «работу битов»). И если проекты, планы и программы органов управления могут подвергаться мелким и крупным отклонениям от заданных параметров в силу «человеческого фактора», то их цифровые ипостаси исключают эту возможность. В цифровой форме программирование конструирует не только надперсональные практики, которыми еще можно пренебречь и которым еще можно научить, но и вообще внеположенные человеку области принуждения, куда профанам хода нет, а определяют они именно человека, его жизнь и деятельность. Цифровое программирование создает супер-жесткие, неумолимые цепочки действий непрерывного цикла, превращая операции с отдельными предметами в квази процесс разворачивания некоторого направленного действия, что означает для них обретение квазибиологических, квазизажизненных форм (Гринченко, 2005).

На этом этапе нашего анализа представляется возможным увидеть общее поле управления, программирования и цифровизации, способное создавать такие поля и практики современного менеджизма, которые питают его интенцию управлять всеми объектами реального мира, обнаруживая тем самым стремление видеть его полностью управляемым.

Усмотрев наличие инструментов и активностей программирования, то есть, тех или иных систем кодирования, во всех трех полях обсуждаемой проблемной области – культуре (культурные коды), менеджизме и цифровизации – мы, кажется, можем утверждать, что имеем дело с программным типом «производства реальности» как одной из *эволюционных универсалий* – очень глубокой и пока плохо различимой структурой, которая обладает огромной принудительной силой по отношению к многочисленным социальным полям и практикам, а значит, выступает как общий *принцип, управляющий развитием этих разных полей*. В этом смысле биологические, культурные и социальные программы фактически выступают как инструмент упорядоченного производства объектов реального мира. Цивилизация лишь переоткрыла принцип программной организации порядка, изобретенный природой. Она – тоже способ производства порядка. Но лишь до поры до времени. Посмотрим, как это выглядит сейчас.

Мы переходим к анализу сосуществования культуры, университета и управления университетом в условиях цифровой информационной революции.

Университет в свете реалий менеджизма, цифровизации и культурных кодов. Для целей статьи нам необходимо увидеть университет не только институционально и организационно, как учебное заведение, но и как особую культуру с полным набором признаков, в который входят явные и латентные типы поведения, передаваемые с помощью опыта и символов. Мы также должны увидеть уровень ее элементарных репрезентативных частиц –

ценностей, норм, убеждений, практик и т. д., – всего того, что составляет образ жизни и идентичность социальной группы профессионалов образования. Многие из этих элементов адресуют нас к классическим категориям университета – корпоративизму, плюрализму и автономии, а в конечном счете, как пишут исследователи феномена университета, – к Универсуму как Вселенной разума. Они особо подчеркивают, что университет как универсум это сообщество преподавателей и студентов (*universitas magistrorum et scholarum*), скрепленное взаимной присягой (соприсяжничеством) и объединенное логикой коммуникативного дискурса, завязанного на поиск истины (Суворов, 2012). В первых университетах Средневековья, в своих первичных формах (которые вообще, как правило, «схватывают» первоначала явлений, их ключевые основы) корпоративизм и соприсяжничество вводили для этой новой институции весьма твердые нормы взаимодействия. Они объединяли преподавателей и студентов договорами об общих правилах университета – о порядке чтения лекций и проведения экзаменов, поведения в стенах университета и вне его, а также о порядке взаимопомощи. Очень быстро сформировалось то, что называется собственно университетской культурой – дискурсивные практики и особый тип мышления, поведенческие нормы, фольклор. Человек, прошедший университетский курс, может быть, и не умел хорошо лечить, проповедовать или вершить суд, для этого были «специалисты-практики» – цирюльники, монахи, местные власти, но он был корифеем в области мышления. Он умел логически мыслить, это давало ему возможность сформулировать проблему и справиться с любой задачей (Ле Гофф, 2003).

Как и все другие, университетская культура транслируется во времени путем воспроизводства так называемых «культурных единиц», в которых закодированы ее самобытность и принципы существования (Чик, 2000), при этом соответствующим

щие символы считаются членами группы как обязательные для себя. Тем самым происходит инкультурация и присоединение к группе, так удерживаются в истории аутентичные практики образовательной работы. Среди воспроизводимых «культурных единиц» университета, которые, как кажется, сто́ит сохранять, можно назвать следующие:

- интеллект и мышление;
- диалог и взаимодействие;
- аудитория и дискуссия;
- автономия, независимость и самостоятельность внутренних норм функционирования;
- свобода в исследованиях и профессиональной подготовке;
- академическая харизма, харизма учителя;
- элитарность и эгалитарность одновременно;
- не «подготовка», а «образование» (производство «образованного человека»);
- трансляция культуры, просвещение, осознание гуманистических ценностей;
- любовь к своей профессии, понимание ее миссии.

Мы вынуждены признать, что в настоящее время все это так или иначе девальвируется, искажается, разрушается. Об этом постоянно и много пишут отечественные и зарубежные авторы. Привожу только заголовки некоторых обобщающих работ, но они многочисленны: «Бастард модерна: о текущем кризисе университета» (Куренной, 2011), «Университет в руинах» (Риддингс, 2010), «Медленная смерть университета» (Иглтон, 2015), «Когнитивный капитализм» (Руллани, 2017), «Университет держит оборону» (Олейников, 2013) и так далее. На другом уровне осмысления, в самой среде профессионалов образовательной отрасли, в публицистических работах и социальных сетях эти процессы характеризуются столь же пессимистически. Их чрезвычайно широким анализом, основанным на собственном

опыте людей, выявлены такие факты упадка университетской культуры, как:

- утрата автономии и безраздельное подчинение функционирования университета правилам «оптимизации» как «полезности»;
- организационная трансформация и бюрократическое перерождение;
- массовизация университетского образования и вызванная ею имитация качества, ориентированного теперь не на становление и саморазвитие личности, а на выполнение планов и программ, заданных извне;
- рост нагрузки на профессию, все более погружающуюся в преподавательскую рутину, которая оставляет мало места для совмещения преподавания с исследованиями.

Разумеется, в университетской жизни сохраняются «анклавы чистой образовательно-исследовательской коммуникации, но, насколько они жизнеспособны в процессе постоянной параметризации, регламентации, отчетности, – большой вопрос» (Куренной, 2011: 107). В этих условиях рождается то, что грозит превратиться в новые коды – гиперэксплуатация, сверхформализация, принуждение к единообразию. В последнем случае, это принуждение к аномально высокой, бессмысленной и унижительной бюрократической нагрузке на преподавателей, единственная цель которой – административный контроль, ведь на реальные образовательные результаты она если и влияет, то только угнетающим образом, так как сокращает время на осмысленную педагогическую работу.

Методология социологического исследования, особенно методология качественных исследований и так называемой «обоснованной теории» (grounded theory), требует в поиске объяснения явлений восходить к ним через эмпирические факты. В нашей познавательной ситуации это достижимо, потому что такими фактами можно считать все приведенные ниже утверждения, так как их авторы – действующие профессора и преподаватели

вузов. Их оценки не только констатируют факты упадка университетской культуры, но и подтверждают реальность обстоятельств, известных нам по собственному опыту, снимая возможные обвинения в субъективизме ощущений (Афанасьева, 2017; Донских, 2013; Казмин, 2018, Гоценко, 2020). Вот одно из последних свидетельств:

«В соответствии с требованиями Рособнадзора нами было сдано только по этому (одному. – О.К.) направлению бакалавриата 1433 (прописью: одна тысяча четыреста тридцать три) электронных документа. Наибольший объем заняли рабочие программы дисциплин – около 200 авторских листов, что можно было бы опубликовать в виде приблизительно десятка томов по 200-300 страниц. Читателям, имеющим отношение к высшему образованию, понятно без объяснений, что, как правило, только небольшая часть каждого из документов имеет отношение к реальному учебному процессу, остальное – бюрократические фикции» (Тестилец, 2021).

То обстоятельство, что все подобные констатации получены в не зависящих друг от друга информационных потоках, убеждает в их достоверности. Так, в исследованиях кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена 2019-2021 гг.¹ находим следующие описания и оценки приведенным выше доводам о девальвации университетской культуры и «кодированию» ее новыми, не свойственными университету, смыслами.

Преподаватели почувствовали изменения:

При переходе к этим новым ФГОС-ам, когда нужно было писать огромное количество бумаг..., то есть, формализация и бюрократизация всякая... Этих программ несметное количество, 42 штуки, это просто каторга. И, в общем, бумаж-

ная работа заменила реальную... вместо живой работы пошла бумажная и электронная.

Когда я только еще пришла в университет и была молодым специалистом, я ощущала больше свободы и как бы доверия к себе как со стороны коллег, так и со стороны администрации. То есть контроль был, но контроль был минимальный... касался именно того, чтобы создать условия и не мешать преподавателю. Сейчас я вижу такой контроль даже с дистанционным управлением. Проконтролировать каждый шаг преподавателя, чтобы он там не халявил нигде.

Отношение к наукометрии:

Научная ценность снижается, потому что гонка за публикациями..., тиражирование, самоцитирование, поиски возможности публикации в Ваковских журналах, которые, в принципе, не читаются, эти Ваковские журналы, многие. И поэтому здесь, конечно, опять же, нужно понимать степени: либо количество, либо качество.

Затрудняет работу, сами публикации страдают.

Вот в этой гонке публикаций: важен именно сам факт публикации... ценность таких публикаций крайне низка.

О бюрократизации профессии:

Бесчисленные отчеты о работе, написание очень большого количества отчетов, ведение документации в т. ч. отчетной, организация доп. программ, написание РПУД и ФОС; (занятия) всякими тупыми распоряжениями начальников по феномену Даннинга-Крюгера²; распечатка, сканирование и визирование заявлений студентов; подготовка отчетов; запол-

¹ Проект «Институциональные и поведенческие аспекты функционирования дистанционного образования в условиях пандемии коронавируса 2020 г.»

² Эффект Даннинга-Крюгера — метакогнитивное искажение, которое заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, принимают неудачные решения и при этом неспособны осознавать свои ошибки в силу низкого уровня своей квалификации. В анализе проблем образования часто относится на счет доминирования бюрократических средств управления над академическими свободами и самоуправлением в университетах.

нение заявок; подача служебных записок и т. д.

Это куча бумаги... Эти коробки, я видел, носили, ну, зачем это, есть же электронные носители сейчас, зачем тратить столько бумаги, краски, это большие расходы... Ну, а полезное: это чиновничья процедура, это способ контроля, вот ее главная функция.

Через многообразие индивидуальных нарративов проступает глубинная, уже онтологическая, реальность: «учебная нагрузка растет, административное бремя растет, время на исследования уменьшается, уровень стресса возрастает».

Здесь самое время снять налет исключительности представленных мнений в границах одного нашего университета. Отнюдь не только он и отнюдь не только вузы всей страны (Грибовский, Сорокин, 2019; Кожевникова, 2019; Трудности и перспективы..., 2019), но и зарубежные системы образования поражены этим недугом (Абрамов, Груздев и др., 2020; Дим, 2004; Олейников, 2013).

Когда на месте факультетов и кафедр как обучающих и научных коллективов появляются департаменты и сектора как административные единицы с иерархическим подчинением, профессионалы образования переживают это как шок. Когда из-за смещения труда педагога от человеческого взаимодействия – к отчетности и другим документам, к работе, которую мы еще мягко называем «бумажной», она приобретает другое название: *bullshit jobs* – ерундовая, пустая, бессмысленная, бредовая работа. Слово пришлось как нельзя кстати, и одноименная книга антрополога Дэвида Гребера быстро приобрела благодарного читателя (Гребер, 2020). В предисловии научного редактора книги читаем: «Почему значительную часть жизни мы проводим, делая то, что нам не нравится и во что мы не верим? Почему приходится столько времени тратить на какой-то бред – на абсурдные занятия, от которых нет никакого удовольствия? Почему мы так часто не видим смысла в выполняемой

работе? <...> Самый простой (и правильный) ответ: потому что так устроен мир. Но, собственно, почему он так устроен?» (Гребер, 2020: 3).

Очень точно поставленный вопрос. Попробуем на него ответить, не сводя ответ к привычным обвинениям в адрес бюрократии. Действительно, мы часто ищем источник принуждения к бредовой работе в требованиях управляющей бюрократии, но это не приближает нас к разгадке тайны, почему невозможно изменить ситуацию, – ведь, в принципе, с бюрократией можно договориться, она же, в конце концов, люди! Макс Вебер считал даже, что «формально рациональные» люди. Но почему эти люди категорически нас не слышат?

Посмотрим на проблему не через призму управления, хотя она безусловно проблема управления, а социологически, ища при этом какие-то первопричины, предполагая наличие и работу дюркгеймовских «социальных фактов» – глубинных структурных причин, лежащих вне сознания, но обладающих по отношению к человеку принудительной силой – такой же силой, как культурные коды.

Присмотревшись, мы увидим, что на другом конце провода – не люди, а «лежащая вне сознания» структура, набор правил, вытекающих из политики и идеологии неолиберально-менеджеристской парадигмы в управлении (Абрамов, Груздев и др., 2020; Кожевникова, 2019). Это «социальный факт» нового времени и нового типа – система надперсональных институциональных правил, формализующих и стандартизирующих человеческую деятельность, даже более сильных правил, чем институциональные, потому что последние, в конечном счете, – тоже правила человеческой деятельности, установленные людьми. Система, которую мы имеем в виду, закрепляет институциональные правила в еще более жесткой, безальтернативной форме, создавая из них *матрицу кодов программного файла*. На другом конце «провода» нашего взаимодействия с си-

стемой – не люди, а цифровая компьютерная программа, то есть система технического кодирования со всеми ее свойствами – невозможностью отклониться от инструкций и последовательности команд, предназначенная для оптимального функционирования с целью получения определенного результата, и результат в ней тоже определен. Программа как структурная основа цифровой среды.

Она, конечно, создается человеком, причем из самых лучших побуждений, установки для этого даются самые рациональные. Но логика программы неумолима. Она не только создается человеком, но и создает человека как свой придаток, вовлекая в свои процедуры и рядовых работников, и управляющих. Все они встроены в программу и работают в соответствии с ее кодами. В том числе, администраторы всех уровней. Они тоже «рабы этой лампы» – исполнители логики однажды запущенного механизма, имеющего целью стандартизацию и оптимизацию системы. Осуществляя программу, они считают себя «производителями порядка». Порядок для них – это формализованные, запрототолированные и контролируемые процедуры. При этом от «почвы», от самого слоя «производства образования» она оторвана. Отслеживая выполнение процедур, запрограммированная система вступает во взаимодействие лишь сама с собой и правила создает, исходя из собственной контрольно-надзорной природы. Ею владеет логика социальной машины, логика полной управляемости. На самом деле – иллюзия полной управляемости.

Из-за объема, напряженности и часто бессмысленности работы, диктуемой программой, люди чувствуют себя роботами, потому что функционируют в системе, фактически равнодушной к их существованию и заинтересованной только в декларативном соблюдении шаблонов, стандартов и предписанных форм документации, регламентирующих образовательную деятельность в малейших деталях. Естественная регуляция высококвалифицированного

труда последовательно заменяется искусственной, живая жизнь людей – марионеточным существованием.

Только один пример. Хорошее дело – создание фонда видеолекций! Но по рассказам преподавателей, которые в этом участвовали, процедура записи формализована и стандартизирована до такой степени, что от университетской лекции, ориентированной на аудиторию слушателей, демонстрирующей педагогическое мастерство лектора, его индивидуальность и его образ как ученого и мыслящего человека, не остается просто ничего. Он и пошевелиться лишней раз не может – инструкция не позволяет. Жесточайшая регламентация процедуры делает преподавателя, профессора, персонажем технического действия наподобие «кормящей машины» Чарли Чаплина в фильме «Новые времена». Да, там все четко и размерено, но чтобы механическая рука с ложкой супа попала Чарли в рот, он должен быть прикован к креслу и не иметь возможности пошевелить головой – иначе супом окажется вымазано все лицо.

В царстве Цифры и Программы царит технократическое понимание социального устройства и человеческой природы. По отношению к ним производится глубокое разделение труда, фактически расчленение высококвалифицированных целостных, синтетических, синергических видов деятельности на отдельные элементы. Из этих элементов, часто не имеющих собственных смыслов, конструируется такая же супер-рациональная среда, как в системах фастфуда, и не зря Джордж Ритцер называет эти среды в структуре социального – *макдональдизацией* (Ритцер, 2011).

Мы отчетливо видим, как макдональдизированная система завладевает человеческим поведением, выстраивает его в целесообразную логику и получает чрезвычайно эффективное осуществление... самой себя. Эффективное и экономически выгодное. Однако супер-рациональность рано или поздно оборачивается иррациональностью, что мы, кажет-

ся, сегодня и наблюдаем, заодно открывая для себя то, что социальные мыслители XX века уже некоторое время назад открыли. Они предупреждали нас об этом.

Можно вспомнить фундаментальный труд чилийских биологов Умберто Матураны и Франсиско Варелы (Матурана, Варела, 2001), описавших *аутопойесис* живых систем – их самоподдержание и самовозобновление как способ производства самих себя в ходе «самопознания» самих себя. Будучи биологами, они, тем не менее, пришли к выводу, что все системы, которые способны к самопознанию в прямом и переносном смысле, – это живые системы. Разумеется, общество тоже, в том числе, с помощью социологии. Теорию аутопойесиса социальных систем с опорой на труды У. Матураны и Ф. Варелы создал немецкий социолог Никлас Луман (Луман, 1991). По его мысли, чтобы сотворить самоё себя, система «выносит человека за скобки» своего существования, коммуницирует сама с собой, совершенствуется, осознает себя и вот тогда завладевает человеком, втягивает его в себя в качестве материала своего существования. Самым элементарным, всем знакомым способом – путем отбора лояльных себе людей. В наши дни у нее на службе вершина современной технологии – цифровая цивилизация и *тотальность цифры*. О тотальности технологии писал еще Мартин Хайдеггер: «Тоталитаризм — это не просто форма правления, — писал он, — но следствие необузданного господства техники. Человек сегодня подвержен безумию своих произведений» (Хайдеггер, 1991).

В наши дни мы видим, как технические «произведения» человека, то есть созданные человеком устройства, гаджеты и девайсы информационного мира, вовлекают его в труд, формы которого заданы этими устройствами, их программами. В полную мощь работают коды и кодирование – как программно-технические, так и культурные – «Я человек маленький, что мне доводят, то я и делаю». Сегодня «доводят» что-то до уровня человеческого

дела многочисленные (уже невероятной численности) программы. В области образования – хорошо нам всем известные Основные профессиональные образовательные программы, Рабочие программы дисциплин, Программы воспитания студентов, Федеральные государственные образовательные стандарты, кем-то запрограммированные списки компетенций, которые преподаватели должны «сформировать» и качество которых мы здесь обсуждать не будем. Все это – элементы Цифровой образовательной среды университетов, она – бассейн, наполняемый результатами оцифрованной человеческой деятельности, и она производитель дальнейшей ее цифровизации.

Оцифровка – это перевод поведенческих, психических, культурных знаков субъектной деятельности сначала в текстовые аналоги, а потом и в дискретные единицы сигналов, пригодных для передачи на электронных носителях. И дело не в том, что цифровые технологии проникают в образовательный процесс, и даже не в том, что человек, преподаватель, превращается в анимированное изображение для передачи на цифровых носителях, а в том, что он сам начинает жить и работать, как требуется цифровым носителям. Он принужден действовать по законам программы, фактически становясь биологическим носителем жестких программных файлов – «эгоистичной программы», которая, – так же, как «эгоистичный ген» и «эгоистичный мем» Ричарда Докинза – озабочена лишь распространением себя на всё большие ареалы (Докинз, 2013).

Оцифрованная функциональность – это все, что нужно «эгоистичной программе» от человека. Дегуманизация, которую ранее мы усматривали в деятельности тотальных институтов и тоталитарных систем, происходит здесь, сейчас, с нами. Это то, что разрушает культуру университета и ноосферу образования вообще. И не только образования, конечно.

Между тем, это закономерно. Потому что представляет собой «волну» в системе

больших волн – сначала роста, а потом упадка каких-то первоначально эффективных принципов.

Закономерность процесса и субъектный статус его участников. Сюда привели нас три тренда XX века – *неолиберальная экономика* (не путать с классическим либерализмом), *революция менеджеров* и *цифровая революция*. Все три начинались как сильные и сулящие множество благ инновации, и они их, действительно, дали. Однако, достигнув, кажется, пределов роста, перешли в иррациональную, абсурдную, разрушительную фазу. Супер-рациональность на глазах оборачивается иррациональностью. Система, исходно вооруженная прогрессивными идеями, методами и технологиями, но нацеленная на то, чтобы производить сугубый, мелочно контролируемый порядок, – производит не порядок, а хаос, причем в наши дни практически на каждом рабочем месте.

И коль скоро это так, и наши трудности запрограммированы не злой волей управляющих (не только ею), обращаться к ним с увещаниями об академических свободах и непристойности превращения высоких профессионалов в пролетариат умственного труда, не имеет смысла. Но тогда в какой инстанции и как решать проблему общей дегуманизации и опасной для культуры трансформации академических профессий?

Приходится признать, что такой инстанции нет. Мы находимся не в субъектно организованной среде, с авторизованными индивидуальными или коллективными акторами (не случайно, что мы никогда не знаем инициаторов тех или иных решений и документов), а в самоорганизующейся системе роботизированной квазижизни, уже практически осознавшей свою автономную от человека сущность и неспособной к самоизменению. Она «увидела себя» и поняла, «что это хорошо». Кажется, и нам следует увидеть, что наступившая эпоха – это нечто большее, чем новые методы и технологии деятельности, в том

числе, образовательной деятельности и управления образованием.

К диагнозу нашего времени. Менеджеризм, программа и «цифра» как социально-экономическая формация. Представляется возможным концептуализировать наступившую эпоху как новую цивилизационную формацию, может быть, даже в смысле социально-экономических формаций Карла Маркса. В политэкономическом отношении это нечто, что осторожно называют «посткапитализмом» и для чего предлагают прогнозные варианты. Среди этих прогнозов есть один, который, на наш взгляд, наилучшим образом позволяет разместить в его контексте всю предыдущую логику увязывания фактов менеджеризма, цифровизации, программирования и культуры, и этим достичь заявленной цели статьи.

Это концепция «менеджерального общества», которую предложил в первой половине XX века американский философ, социолог и экономист Джеймс Бернхем (Бернем). В 1941 году он издал работу «The Managerial Revolution» – «Революция директоров» (Бернем, 1954), в которой выдвинул идею о трансформации капитализма в «менеджеральное общество», власть в котором перейдет к новому классу управляющих (менеджеров, технократов). На работу Дж. Бернема обращает внимание, пересказывает и критикует в своей статье Джордж Оруэлл: «Капитализм исчезает, но на смену ему идет не социализм. Возникает новый тип планового, централизованного общества, которое не будет ни капиталистическим, ни, в каком бы то ни было принятом смысле слова, демократическим. Правителями этого нового общества будут те, кто фактически контролирует средства производства: администраторы компаний, техники, бюрократы и военные, которых Бёрнем объединяет под именем «менеджеров». Эти люди устранят прежний класс капиталистов, сокрушат рабочий класс и организуют общество таким образом, что вся власть и экономические привилегии останутся в их руках...

Новый мир <...> будет состоять из громадных сверхгосударств <...>. Все они будут иерархическими: аристократия способных наверху и масса полурабов внизу» (Оруэлл, 2003).

У нас в стране книга Дж. Бернхема получила широкое признание именно в области менеджмента, когда в постсоветский период шла модернизация управляющих систем и состоялась быстрая, массовая рецепция самого термина. Сегодня мало какой учебник менеджмента, теории элит или теории бюрократии обходится без упоминания «Революции менеджеров» и подробного анализа идей Дж. Бернхема применительно к социально-экономическим, социально-политическим и собственно менеджереальным аспектам советской, германской и американской систем управления обществом. Происходит это, очевидно, в силу того факта, что в них предугадана траектория развития менеджизма как доминирующей технологии управления сегодня (Кабашов, 2011).

Этот анализ показывает, что на излете индустриального общества трансформация управляющих систем идет не в сторону социалистического строя и складывается не социальное государство, которое ставит своей целью ответ на запросы населения и работает в тесном контакте с ним, а возникает глубокое расслоение общества: с автономной элитарной структурой наверху, для которой население – именно «масса полурабов», которых даже обязательно учить, важно, чтобы они были «компетентными потребителями». Сегодня мы видим эту реальность невооруженным глазом. А теоретически вооруженным глазом видим самостроительство полуфеодалного государства сословного типа (Кордонский, 2008; Колбановский, 2010; Иноземцев, 2021). В этом государстве, как пишет социолог Варлен Колбановский, – «Культура еще сохраняет интегрирующую роль <...>, но постоянное насилие над культурой, выпестивание особой официальной культуры приводит к оруэлловскому “двоемыслию”, к синкретическому соеди-

нению ценностей традиционалистских с ценностями квази-инновационными. Повелевает и безраздельно хозяйничает управленческая система – партия-государство. Она не имеет оппонента и генератора идей – гражданского общества, она есть система без обратной связи...». В этом государстве «его управленческая система есть не что иное, как “бюрократический абсолютизм”» (Колбановский, 2010: 114).

Сегодня становится понятно, что способом производства реальности в формации «бюрократического абсолютизма» или «тотального менеджизма» выступает Ее Величество Программа. Программируется всё, вплоть до мельчайших деталей поведения – в быту, в профессии, в политике. А всеми проклиная «бюрократия» оказывается лишь служанкой Программы и Цифры, которые ведут ее своим путем и своей логикой, и на которую «переводят стрелки», чтобы скрыть главный «движок» системы.

Быт еще сопротивляется, профессия – уже нет. Именно программирование обесмысливает деятельность. Становится не легче, а труднее работать. То, что называют «образовательными стандартами», вовсе не является стабильным ориентиром работы, потому что постоянно изменяется, а значит, надо регулярно переписывать рабочие программы учебных дисциплин; посреди учебного года вдруг добавляется педагогическая нагрузка по текущим курсам, а значит, надо наполнять содержанием эти добавленные часы в уже спланированных занятиях; считается правильным по несколько раз принимать задолженность у нерадивых студентов, каждый раз наращивая квалификационный потенциал приемной комиссии, и вот уже три профессора слушают одного отстающего, участвуя в действе, которое называется «вторая повторная промежуточная аттестация» – с опасением, что будет еще и «третья повторная промежуточная», и похоже, никто из планировщиков подобных «педагогических технологий» не отдает себе отчета в

том, что раз от раза называя простую сдачу задолженностей все красивее и непонятнее, а главное, заранее планируя ее в несколько этапов, они тем самым легитимируют нерадивость и утверждают приемлемость неуспеваемости, за которую иной раз правильнее отчислять; и уже совершенно немислимое в былые времена: почему-то считается возможным принуждать преподавателей работать во время отпуска, причем с очевидными отчетно-контрольными целями. Все это уже не говоря о том, что цифровая репрезентация документов учебного контроля все равно дублируется их бумажными формами, как минимум, удваивая объем работы преподавателя. Пока не ясно, откуда идут основные ошибки такого планирования – от плохого качества программирования или от административного давления, которое программисты вынуждены воплощать в цифровой форме. Однако вероятнее все же, что от управления, не соответствующего природе управляемого объекта и имеющего едва ли не главной своей целью идеальную отчетность.

Реагировать на ситуационную подвижность среды и исправлять ошибки программа не умеет, в ней нет таких опций. Реагировать на ситуацию и исправлять ошибки умеет только человек с его адаптивными способностями. Но именно на это и налагаются ограничения. Программа – жесткая вещь, она требует полного себе соответствия и этим лишает человека вариативности поведения, самоорганизации и самоуправления.

Сегодня цифровая среда и программа – это не только «внешняя память», изобретенная человечеством для эволюции культуры. Это уже почти «внешний мозг», управляющий «внешним скелетом» трудовой активности. Экзомозг и экзоскелет человеческой деятельности. Их дальнейшая логика тоже понятна: «эгоистичная программа» полной управляемости ведет к программам «социальной инженерии», нацеленной на построение искусственной социальности (Крокинская, 2019). Она –

«эгоистичный ген» эпохи и текущей формации, вирус, которым она заражена. Это сводит на нет наши попытки частичных и частных решений. Нет той инстанции, в которой процесс искажения университета можно остановить. Мы вынуждены рассчитывать только на логику других процессов, которые в нашей реальности тоже идут. В том числе, в образовании и в культуре современного университета.

Эти процессы идут на макроуровне цивилизации, и они дойдут до своего финала. Мы имеем в виду нарастающую сингулярность – коэволюцию экспоненциально растущих кризисов, устремленных в одну точку, в которой совершается фазовый переход, за которым – неизвестность. Они подготавливают радикальную смену парадигмы современного мира и требуют нашего осознанного участия в ней. Совершенно не случайно по страницам публичных аналитических текстов замелькали слова «квантовый скачок» и «осознанность». От человека в пост-постсовременном мире требуется осознание происходящего, рефлексия макро- и даже мега-процессов, понимание их причин и выстраивание своей жизни в соответствии с этим пониманием.

Теоретическое заключение. Наши тревоги по поводу культуры университета иногда выглядят не очень серьезно – ну, подумаешь, расписание неудобное, планово-отчетная текучка заела... Мы кодируем их словами «так было всегда, ничего не поделаешь, не обращайтесь внимания». Текучка гонит нас по колее рабочих забот, но в какой-то момент надо остановиться, осознать свое место в ситуации, вывести фоновые ощущения в область отчетливых пониманий и попробовать «зреть в корень». Там, в корне, мы различим черты того, что скрывается под мелкими нарушениями в организации нашей повседневной профессиональной жизни – макропроцессы видоизменения культуры и деформации многих базовых процессов общества. Его самодвижение и саморазвитие угнетаются: переписывается история, за-

крываются музеи и архивы, уничтожается университетская автономия, идет прессинг на просветительскую деятельность, формальные показатели заменяют суть научной работы, повсеместно нарастает непрофессионализм, обязательность выполнения всех требований всех инстанций, часто совершенно оторванных от реальности, вынуждает людей имитировать результаты и качество работы – и все это вместе означает, что происходит отнюдь не синтез полей менеджмента, цифровизации и культуры, а разрушение и культуры, и самих институтов общества.

Совершенно необязательно мыслить это в политическом контексте, хотя реально он присутствует во всем. Однако, если вынести его за скобки, то мы увидим еще один слой структурообразующих процессов – все еще дрящущую трансформацию (а лучше сказать, перерождение, преображение) индустриальной эпохи на пути к постиндустриальной или даже постпостиндустриальной. А может быть, к «новому модерну», как это обозначил в своей знаменитой книге «Общество риска» немецкий социолог Ульрих Бек (Бек, 2000). Мы по-прежнему не знаем, что будет собой представлять этот «новый модерн» и должны удержаться от предложения каких бы то ни было его модельных образов. При условии открытого пространства для социальной и индивидуальной активности оно сложится само. На переходах между эпохами это происходит не по воле политиков, а, в конечном счете, по «сумме волей» людей, ибо на переходах меняется социологическая максима: не «человек таков, каково общество», а «общество таково, каков человек». И оно будет (никуда от этого не деться) суммой индивидуальных рефлексивностей, при которой, по мысли У. Бека, «процесс модернизации *детрадиционализирует* включенные в индустриальное общество жизненные формы» (Бек, 2000: 233). Правда, у Бека этот процесс должен быть защищен государством всеобщего благоденствия. У нас такого государства нет, и значит, мы

должны это делать еще более самостоятельно, в доступных нам жизненных микроформах. Но детрадиционализация, то есть расколдовывание традиции, – императивна.

Итак, рефлексивная модернизация – это, прежде всего, модернизация самих себя, а уже то, что нужно сохранять, а что изменять, каждый будет решать сам. Но есть и путеводная звезда. *Фронезис* – термин Аристотеля из «Никомаховой этики», означающий этическую компетенцию практического разума, или способность суждения, направленную к сохранению того, что мы понимаем как благо. Другими словами, это суждение о желаемой цели, вписанное в традицию и тем самым создающее не теорию, а «навигатор здравого смысла», помогающий формулировать внутри него свое собственное решение. *Соединять традицию, здравый смысл и цель* как раз и означает относиться к настоящему рефлексивно. Как это уже сформулировали экологи: «Мысли глобально, действуй локально». Похоже, нам снова понадобится интеллигенция, потому что это ее работа – трудная, этически нагруженная когнитивная работа, направленная на создание образцов и способов мышления, открытого к принятию «иного» для сохранения «своего», и создающего тем самым артефакты эволюции. В нашем контексте – создание таких образцов мышления, поведения и деятельности, в которых культура университета как традиция задавала бы навигацию здравого смысла для управления и цифровых технологий.

Методологическое заключение. В этой статье мы ставили себе задачу попытаться «мыслить вместе» несколько разных проблемных областей, характеризующих разные социальные поля и практики. Результат, возможно, выглядит эклектично и в нем кое-где грешит логика, но он не претендует быть строгой теорией. Развернутая здесь мысль всегда *между чем-то и чем-то* – между прикладной и теоретической социологией, теоретической социологией и социальной философией, между

наукой и публицистикой. В конечном счете, между эмпирическим опытом и его аналитическим обобщением. Однако для первичной концептуализации многоставной темы это, наверное, неизбежно, а как минимум, допустимо.

Мировоззренческое заключение.

Остановить макропроцессы не в наших силах. Но в наших силах создавать другие, на доступном нам уровне: «выращивать» культуру университета в эпоху цифры в самом нашем социуме – в поведении, мышлении, деятельности профессионалов. Как уже говорилось, на помощь культуре должна прийти человеческая субъектность, то есть рефлексивное отношение к жизни. Социальная рефлексия часто считается прерогативой элит и властей, воплощающих волю «коллективного тела народа». Да они и сами думают, что они «единственный европеец» среди народных масс. Однако именно поэтому социальная рефлексия теперь должна быть работой всех. Инстанция решения проблемы – каждый из нас, кто эту проблему осознает.

Мировая педагогическая литература переполнена советами, чему и как учить детей и юношество сегодня. Мы уже освоили одну из важнейших педагогических установок Г. Бейтсона о так называемом «вторичном обучении» – не только «учить», но «учить учиться», однако реже вспоминаем его же предложение о «третьем обучении» – умении «изменять выученное», владеть и пользоваться критическим мышлением. Что если попробовать применить это к себе и воспользоваться методом «перевернутого класса»? Хотя бы как антитезисом на пути к синтезу – расколдовать мифы, отвергнуть стереотипы, «сбросить пароли» культурных кодов апатии и беспомощности, понять былые истины наоборот. И тогда: жить в обществе – и быть свободным от общества, вдруг увидеть, что сознание определяет бытие, а не наоборот, переставить акценты между «*vita brevis – ars longa*», чтобы увидеть – нет, это техническое искусство коротко, а жизнь – вечна, и работать

надо на жизнь и на вечность. Это означало бы, что надо вывести архетипы автоматического функционирования из тени и начать различать в себе работу программ – этого повелевающего голоса сконструированных кем-то и предписанных нам автоматизмов.

Со ссылкой на многочисленные описательные, аналитические, а то и исповедальные тексты представителей профессионального преподавательского сообщества, возьмусь утверждать, что наше высшее образование, со всеми его проблемами, могло бы быть безусловно сильнее, если бы его профессорско-преподавательский корпус не был погружен в масштабные практики бессмысленности в угоду требованиям машины, управляющей образованием. Ее нормативы и правила ведут к подавлению интеллектуального потенциала одной из самых высококвалифицированных страт общества. Того потенциала, который должен быть направлен на обучение студенчества, на совершенствование образования в нашей стране. Мы не должны забыть, что важнейшая социальная функция университета – производство культуры. Что университет – это непрерывное сообщество самого разума (Вахштайн, 2012). И принимая возможности «цифры», мы должны выдвинуть ей встречные требования. Для начала – сменить кодирующий дискурс: не «цифровая образовательная среда», а «цифровая среда образовательной деятельности». В первом случае примат принадлежит среде и цифре, во втором – субъектам образовательной деятельности – студентам, педагогам, руководителям университета. Это такая среда, где, по заветам Вильгельма Гумбольдта, не студенты существуют ради преподавателей, не преподаватели ради студентов, и не все они вместе ради администраторов, а и те, и другие, и третьи – ради образования и науки.

Литература

Абрамов, Р.Н., Груздев, И.А., Терентьев, Е.А., Захарова, У.С., Григорьева, А.В. Уни-

верситетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форм-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 24 (2). С. 59-74.

Афанасьева, В. Пять признаков тяжелой болезни российского образования // Новые известия. 10 апреля 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <https://newizv.ru/article/general/10-04-2017/vera-afanasieva-pyat-priznakov-tyazheloy-bolezni-rossiyskogo-obrazovaniya-157f7b3b-0f4b-420a-9d2c-3884434c5afd> (дата обращения 29.05.21).

Барбер, М., Доннелли, К., Ризви, С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152-236.

Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Бернхем, Дж. Революция директоров / пер. с англ. Е. Шугаева. Франкфурт-на-Майне: «Посев», 1954. 161 с.

Бодей, Р. Политика и принцип нереальности // Публичные лекции Полит.ру. 27 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2005/04/27/bodei/> (дата обращения 29.05.21)

Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

Вахштайн, В. Метафоры и метаморфозы университета // Культиватор. 2012. № 3. С. 20-30.

Гребер, Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: ООО «Ад Маргинем-Пресс», 2020. 500 с.

Грибовский, М.В., Сорокин, А.Н. Академические свободы и бюрократические узы преподавателя: результаты полевого исследования в университетах Великобритании и Франции // Университетское управление: практика и анализ. 2019. 23 (1-2). С. 60-71

Гринченко, С.Н. Является ли метаэволюция Вселенной запрограммированным и целенаправленным процессом? // Исследовано в России. 2005. Т. 8. С. 164–195. [Электронный журнал] URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2005/017.pdf> (дата обращения 10.07.21).

Дим, Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44-56.

Докинз, Р. Эгоистичный ген. Москва: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.

Донских, О.А. Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 36-45.

Иглтон, Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. № 4. 2015. С. 19-26.

Иноземцев, В. План «Крепостные». Как устроена современная сословная Россия // Новая газета. № 73 от 7 июля 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye> (дата обращения 15.07.21).

Кабашов, С.Ю. Бюрократия: теоретические концепции. Уч. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 216 с.

Казмин, Н. Нашу систему образования нужно не реформировать, а ликвидировать // Новые известия. 31 января 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://newizv.ru/comment/nikolay-kazmin/31-01-2018/nashu-sistemu-obrazovaniya-nuzhno-ne-reformirovat-a-likvidirovat> (дата обращения 15.07.21).

Кожевникова, М.Н. Менеджеристская парадигма: в управлении образованием, образовательных целях и социально-воспитательных следствиях // Человек и образование. 2019. № 4 (61) С. 183-189.

Колбановский, В.В. Гражданственность и глобальная социология // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 112-121.

Кордонский, С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.

Крокинская, О.К. «Люди не мыслят»: Гераклит и когнитивные проблемы культуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 52-66.

Крокинская, О.К. В прицеле социальной инженерии – природа человека и общества. [Электронный ресурс] URL: <https://www.academia.edu/39709977/> (дата обращения 12.07.21).

Куренной, В. Бастард модерна. О текущем кризисе университета // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 103-110.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2003.

Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семисфера. СПб.: «Искусство-СПб». 2001. С. 150-390.

Луман, Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 194-218.

Мамардашвили, М.К. Язык осуществившейся утопии // Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. С. 303-317.

Матурана, У., Варела, Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Олейников А. Университет держит оборону. (Обзор англоязычных работ о критическом состоянии современного университета) // «НЛО». 2013. №122. С. 338-348.

Оруэлл, Дж. Джеймс Бёрнем и революция менеджеров // Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 362-388.

Ридингс, Б. Университет в руинах. М.: ВШЭ, 2010. 304 с.

Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011. 592 с.

Руллани, Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. № 4 (61). С. 64-69.

Суворов Н.С. Средневековые университеты. Изд. 2-е: М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Тестилец, Я. Запись Facebook: 9 мая 2021 в 22:51. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/yakov.testelecs/posts/4231419583545081> (дата обращения 29.05.2021)

Тощенко, Ж. К чему ведет нескончаемая оптимизация образования. Когда стандарты и гранты важнее всего // Независимая газета. 27.01.20. [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2020-01-27/9_7778_education.html

Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.

Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 191 с.

Хофстеде, Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9-49.

Чик, Г. Единицы культуры // Общественные науки и современность. 2000 № 2. С. 11-122.

Шваб, К. Четвёртая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2019. 208 с.

Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

References

Abramov, R. N., Gruzdev, I. A., Terent'yev, Ye. A., Zakharova, U. S., & Grigorieva, A. V. (2020), "University teachers and digitalization of education: on the eve of remote force majeure", *University Management: Practice and Analysis*, 24 (2), 59-74 (in Russ.).

Afanasieva, V. (2017), "Five signs of a serious illness in Russian education", *Novye Izvestiya [Latest news] [Online] available at: <https://newizv.ru/article/general/10-04-2017/vera-afanasieva-pyat-priznakov-tyazheloy-bolezni-rossiyskogo-obrazovaniya-157f7b3b-0f4b-420a-9d2c-3884434c5afd>* (in Russ.) (Accessed 07 November 21).

Barber, M., Donnelly, K. & Rizvi, C. (2013), "On the eve of the avalanche. Higher education and the coming revolution", *Educational Studies*, 3, 152-236 (in Russ.).

Beck, W. (2000), *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]*, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Bodei, R. (2005), "Politics and the principle of unreality", *Polit.ru*, [Online] available at: <https://polit.ru/article/2005/04/27/bodei/> (in Russ.) (Accessed 08 November 21).

Bourdieu, P. (2005), *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]*, Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Burnham, J. (1954), *Revoljutsiya direktorov [The Managerial Revolution]*, translated by E. Shugaev, Posev, Frankfurt am Main (in Russ.).

Chick, G. (2000), "Units of culture", *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 11-122 (in Russ.).

Dawkins, R. (2013), *Egoistichnyy gen [The Selfish Gene]*, AST: CORPUS, Moscow (in Russ.).

Dim, R. (2004), "'New managerialism' and higher education: quality and productivity management in UK universities", *Educational Studies*, 3, 44-56 (in Russ.).

Donskikh, O. A. (2013), "The case of the competence-based approach", *Vysshee obra-*

zovanie v Rossii (*Higher Education in Russia*), 5, 36-45 (in Russ.).

Eagleton, T. (2015), "Slow Death of the University", *Sovet rektorov*, 4, 19-26 (in Russ.).

Eco, U. (1998), *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Absent structure. Introduction to Semiology], TK Petropolis LLP, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Graeber, D. (2020), *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranении bessmyslennogo truda* [Bullshit jobs. Tractate on the spread of meaningless labor], Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Gribovskiy, M. V. & Sorokin, A. N. (2019), "Academic freedoms and bureaucratic ties of the teacher: results of field research in universities in the UK and France", *University Management: Practice and Analysis*, 23 (1-2), 60-71 (in Russ.).

Grinchenko, S. N. (2005), "Is the meta-evolution of the Universe a programmed and purposeful process?", *Issledovano v Rossii*, 8, 164-195, [Online] available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-metaevolyutsiya-vseleenyozaprogrammirovannym-i-tselenapravlenным-protssessom/viewer> (in Russ.) (Accessed 07 November 21).

Heidegger, M. (1991), *Razgovor na proselochnoy doroge* [Conversation on a country road], Higher school, Moscow, Russia (in Russ.).

Hofstede, G. (2014), "Hofstede model in context: parameters of the quantitative characteristics of cultures", *Language, Communication and Social Environment*, 12, 9-49 (in Russ.).

Inozemtsev, V. (2021), "The plan "Serfs". How modern estate Russia set up", *Novaya Gazeta*, 73 (7), [Online] available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye> (in Russ.). (Accessed 15 July 21).

Kabashov, S. Yu. (2011), *Byurokratiya: teoreticheskie kontseptsii*. [Bureaucracy: theoretical concepts. Tutorial], 2nd ed., Flinta, Moscow, Russia (in Russ.).

Kazmin, N. (2018), "Our education system should not be reformed, but eliminated", *Novye izvestiya*, January 31, [Online] available at: <https://newizv.ru/comment/nikolay-kazmin/31-01-2018/nashu-sistemu-obrazovaniya-nuzhno-ne-reformirovat-a-likvidirovat> (in Russ.) (Accessed 15 July 21).

Kolbanovsky, V. V. (2010), "Citizenship and Global Sociology", *Sociological Studies*, 3, 112-121 (in Russ.).

Kordonsky, S. G. (2008), *Soslovnaya struktura postsovetsoy Rossii* [The estate structure of post-Soviet Russia], Institute of the Public Opinion Foundation, Moscow, Russia (in Russ.).

Kozhevnikova, M. N. (2019), "Managerial paradigm: in education management, educational goals and socio-educational consequences", *Che-lovek i obrazovanie* [Man and Education], 4 (61), 183-189 (in Russ.).

Krokinskaya, O. K. (2020), "'People do not think": Heraclitus and the cognitive problems of culture", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (3), 52-66. DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-5 (in Russ.).

Krokinskaya, O.K. (2019), "*The aim of social engineering is the nature of man and society*", [Online] available at: <https://www.academia.edu/39709977/> (in Russ.) (Accessed 15 July 21)

Kurennoy, V. (2011), "Bastard of Art Nouveau. On the current crisis of the university", *Neprikosnovenny zapas*, 3 (77), 103-110 (in Russ.).

Lakoff, J. & Johnson, M. (2004), *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by], Editorial URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Le Goff, J. (2003), *Intellektualy v Srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages], Izdatel'sky dom SPbGU, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lotman, Yu. M. (2001), "Inside the thinking worlds", in: Yu. M. Lotman. *Semiosphere* [Semiosphere], Iskustvo-SPb, St. Petersburg, Russia, 150-390

Luhmann, N. (1991), "Tautology and paradox in self-descriptions of modern society", *SOTSIO-LOGOS*, 1, 194-218 (in Russ.).

Mamardashvili, M. K. (1996), "The language of a realized utopia", in: Mamardashvili M. K., *Neobkhodimost' sebya. Lektsii. Stat'i. Filosofskie zametki* [Necessity of oneself. Lectures. Articles. Philosophical Notes], Labyrinth, Moscow, Russia, 303-317 (in Russ.).

Maturana, U. & Varela, F. (2001), *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: Biological Roots of Human Understanding], Progress-Tradition, Moscow, Russia (in Russ.).

Oleinikov, A. (2013), "The University keeps the defense. (Review of English-language works on the critical state of the modern university)", *NLO*, 122, 338-348 (in Russ.).

Orwell, J. (2003), *Dzheyms Bornem i revolyutsiya menedzherov* [James Burnham and

the managerial revolution. Lion and Unicorn. Essays, articles, reviews], *Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy*, Moscow, Russia (in Russ.).

Readings, B. (2013), *Universitet v ruinakh* [University in ruins], Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Ritzer, J. (2011), *Makdonal'dizatsiya obshchestva 5*. [MacDonaldization of society 5], Praxis, Moscow, Russia.

Rullani, E. (2007), "Cognitive capitalism: déjà vu?", *Logos*, 4 (61) (in Russ.).

Schwab, K. (2019), *Chetvyortaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], EKSMO, Moscow, Russia (in Russ.).

Suvorov, N. S. (2012), "*Srednevekovye universitety*" [Medieval Universities], 2nd ed., Knizhny dom "LIBROKOM", Moscow, Russia (in Russ.).

Testilets, Y. (2021), "Facebook post, May 9, 2021", [Online] available at: <https://www.facebook.com/yakov.testilets/posts/4231419583545081> (in Russ.) (Accessed 15 July 21).

Toshchenko, Zh. (2020), "What does the endless optimization of education lead to. When standards and grants are most important", *Nezavisimaya gazeta*, 01.27 (in Russ.).

Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya (2019), [Difficulties and

Prospects for the Digital Transformation of Education], in A. Yu. Uvarova and I. D. Frumin (ed.), Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Vakhstein, V. (2012), "Metaphors and metamorphoses of the university", *Kul'tivator* [Cultivator], 3, 20-30 (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Крокинская Ольга Константиновна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, факультет истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ им. А.И. Герцена), Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; krokinskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga K. Krokinskaya, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Faculty of History and Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University), 48 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russia; krokinskaya@mail.ru